

Я боялся больше, чем нужно

Дмитрий Фурман

Дата публикации: **29 Декабря 2000**

Я совершенно не помню, кто меня притащил в приобретающий в 1988 году все большую популярность журнал XX век и мир. Очевидно, кто-то из Института США и Канады, где я в то время работал. Но журнал для меня связан прежде всего с трагически погибшим [Андреем Фадиным](#), с которым я тогда познакомился и поддерживал дружеские отношения до его гибели. Редактировал мои статьи (чисто стилистически и бережно, вообще практически ничего не меняя) и зазывал меня на "круглые столы" - он, и у меня тогда было впечатление, что вообще журнал - это он. Беляев - "не мешал". Павловский был, вроде, заместителем Беляева, но я с ним в тот период практически не сталкивался, и что он делал реально - не знаю. И кончился для меня журнал с уходом оттуда Фадина. Ушел он с какой-то обидой, поругавшись с Павловским. В суть дела я не вникал, но печататься без Фадина мне уже было не приятно - вроде предательства друга. Я не знаю, есть ли прямая связь между уходом Фадина и упадком журнала (возможно, и нет), но во всяком случае журнал начал хиреть после его ухода.

Я не буду врать, что журнал мне очень нравился. Мне вообще не слишком нравится публицистика того времени (и тогда не нравилась). И мне даже трудно понять, как можно читать чисто публицистический журнал. Но я считал, что публицистика для меня - что-то вроде внезапно возникшей гражданской обязанности. Отказываться - нельзя, тем более, что журнал был, действительно, совершенно свободен и печатались там люди самых разных взглядов. И потом мне несколько раз доводилось убеждаться в удивительной популярности журнала. Много спустя, в 1997 году я в Киеве случайно познакомился с известным украинским политиком (он даже был в 1991 году кандидатом в президенты) Гриневым. Он сразу сказал, что знает меня по "XX веку и миру". Я был совершенно этим поражен.

К своим публикациям в журнале сейчас я вернулся с некоторым страхом. Обращение к своему собственному прошлому принципиально не отличается от обращения к "чужому" прошлому историка. Прежде всего - прошлое предстает перед нами всегда в каких-то обрывках, оно всегда не полно. И как историк может строить какие-то гипотезы, но так точно и не воссоздать картину "чужого" прошлого, также трудно воссоздать картину своего прошлого. Многое просто забыто напрочь. Я, например, сталкиваюсь в своих статьях с фразами, о которых не могу сказать - то ли я их писал из "конъюнктурных" соображений, считая, что лучше сказать так, чтобы не вызвать у читателя отторжения какой-то представлявшейся мне важной мысли, то ли действительно так думал. Элементы самоцензуры в статьях, безусловно, были, но я сейчас уже не могу точно сказать, вызвано ли то или иное выражение самоцензурой или нет. Я столкнулся даже с поразительным фактом, о котором совершенно забыл. Одна из статей, самая "антидемократическая", подписана псевдонимом - Дмитрий Ефимов. Я совершенно не помню, чья инициатива этот псевдоним и вообще не помню обстоятельств написания этой статьи. Но мы не просто забываем прошлое. Наше сознание всегда мифологизирует его. Это, опять-таки, относится и к работе историков и к работе нашей индивидуальной памяти.

Принципиальной разницы здесь нет. Историки (вообще, люди, пишущие об истории - летописцы, хронографы, писатели, драматурги и т.д.) всегда в той или иной мере создают такое прошлое, какое им хочется увидеть и какое они могут увидеть с позиций сегодняшнего дня. И также поступает наша память. Мы с особой "охотой" забываем те наши мысли и чувства, которые не соответствуют нашим теперешним представлениям. И мы придумываем мифологическую историю наших чувств и мыслей, в которой мы всегда умнее и прозорливее и лучше, чем мы есть на самом деле. Поэтому перечитывать свои старые статьи всегда означает столкновение с собственной глупостью. Это всегда

неприятно, но всегда полезно.

Говорить о том, где в моих статьях я был прав - не слишком интересно. Разобрать их глупости и ошибки было бы значительно интереснее и полезнее. К сожалению, для этого нужно довольно много времени и места.

Я ограничусь констатацией общего пафоса моих журнальных статей этого периода, определяющего и их достоинство и их недостатки. Главное чувство, которое стоит за ними, - это все возрастающий страх. Хотя я по образованию, социальному генезису, кругу знакомых и друзей и убеждениям (западное общество всегда было для меня обществом высшим и "нормальным", а в марксизм я не верил, во всяком случае, с университетской скамьи) принадлежал к тому же интеллигентскому слою, представители которого собирались в то время на многотысячные демонстрации в поддержку Ельцина, я страшно боялся, что демократы могут прийти к власти. Я был убежден, что для того, чтобы в СССР установилась демократия, процесс либеральных реформ должен быть растянут как можно дольше, и для этого вполне можно и нужно проявлять твердость и сдерживать, если нужно, силой, радикальные выступления любого толка. Я полностью поддерживал Горбачева и приходил в ужас от того, что его власть становится все более призрачной. Я абсолютно не верил, что победа демократов и распад Союза приведут к демократии и больше всего боялся, что они приведут к какому-то новому изданию фашизма. И все мои статьи в "XX веке и мире" - это не только беспристрастный анализ, но и заклинания - "осторожней с империями", осторожней с марксизмом (в советское время я считал, что если работа объективно не направлена против какой-то марксистской догмы, ее вообще не надо печатать, а тут я стал говорить, что марксизм не такая уж чепуха) вообще спокойней, осторожней, медленней. Если быть честным, я должен признаться, что во время августовского путча я не мог для себя решить, что лучше - победа путчистов, который будет шагом назад и задержкой процесса, или победа демократов, которая будет шагом вперед и, как я полагал, в пропасть. В этом страхе победы "демократов" и распада СССР была и сильная и слабая стороны моего отношения к происходящему, отразившемуся в статьях в "XX веке". Почему сильная - понятно. Радужных иллюзий у меня не было. Но здесь же была и слабость.

Сейчас я понимаю, что я боялся несколько больше, чем нужно. Воображение рисовало мне значительно более страшную картину будущего, чем будущее оказалось на самом деле. Войны при распаде Союза произошли, но я думал, что вообще все пространство СССР будет залито кровью. Нормальной демократии в России, конечно, не возникло, но фашизоидной диктатуры, которой я боялся, пока тоже нет (есть только "тенденции"). Вообще именно потому, что я слишком уж боялся в 1990-91 годах, я потом совершенно не разочаровывался и даже наоборот, все время удивлялся, что все не так уж страшно.